

**ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. 1886, №12
Веселовский А. Н.**

БЫЛИНА О САДКѢ¹⁾.

За исключеніемъ былины подь № 119 въ сборникѣ Гильфердинга, гдѣ имя Садка чисто внѣшнимъ образомъ введено въ составъ былины о Святогорѣ, всѣ остальные пѣсни о немъ (числомъ 10), со включеніемъ Гильфердинговой № 2 (спаянной въ концѣ съ былинами о Васкѣ Буслаевѣ=Вольга Всеславьевичъ и о Вольгѣ и Микулѣ), сводится къ одному сюжету, ни въ одной не сохранившемся вполнѣ, при чемъ по степени сохранности онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: первая начинается съ эпизода о похвальбѣ и не

1) Читано въ засѣданіяхъ романо-германскаго отдѣла Филологическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ; и помѣщено въ краткомъ изложеніи въ Archiv f. slav. Philologie IX, стр. 282 слѣд.: Beitrage zur Erklarung der russischen Heldenepos: IV. Das russische Lied von Sadko—Sadok.

знаеть эпизода о чудесномъ уловѣ, съ котораго начинается вторая.

І. Кирѣевскій V, стр. 34 слѣд., № 1=Рыбниковъ III № 41. Хвастаетъ въ Новгородѣ «Садко купецъ, богатый гость», что выкупить всѣ товары новгородскіе и нагрузить ихъ въ свои корабли; коли не сдѣлаеть того, отдасть отсѣчь свою буйную голову. Выигралъ онъ закладъ, нагрузилъ товарами свои «черны корабли» и пустился въ море:

И всѣхъ кораблей было тридцать три:

Единой корабль передомъ пошель,
На которомъ ѣдетъ Садко Купецъ,
Богатый Гость.

Его корабль останавливается въ морѣ; онъ велить опустить «щупы желѣзныи»: «нѣтъ ли луды или камня, нѣтъ ли отмели песочныя». Когда ни того, ни другаго не оказалось, Садко велить стать на якорь и говорить:

Ай же вы, дружья-братья
корабельщики!

Вы насыпьте одну мису чиста
серебра,
Другую насыпьте красна золота,
А третью насыпьте скатна жемчуга,
Положите на дощечку золоту казну
И бросьте дощечку во синё морё;
Я двѣнадцать лѣтъ по морю
ѣзживаль,
А поддонному Царю пошлины не
плачиваль, —
Вѣрно пошлины онъ отъ меня
требуеть».
Туть дощечка не тонеть, а гоголемъ
плыветь.

Садко догадывается, что не пошлины
хочеть отъ него поддонный царь, а головы
человѣческой; велить своимъ
корабельщикамъ нарезать изъ сосноваго
дерева жеребьи, на каждомъ написать чье-
нибудь имя и бросить въ море.

Они бросали жеребьи во синё море:
Все жеребьи гоголемъ плывутъ,
А который жеребей Садки Купца
Богатаго,
Тотъ пошелъ каменёмъ ко дну.

«Не правое дерево сосновое!» говорить
Садка и велить повторить опыт надъ
жеребьями изъ еловаго, ольховаго,
дубоваго, наконецъ кипариснаго дерева:

На томъ вѣдь деревѣ Христось
распятъ есть,
Это есть дерево правое,
Правое дерево кипарисное.

Но и на этотъ разъ идетъ ко дну жеребій
Садка, который видитъ, что вѣрно ему
самому «иттитъ будетъ во синё морё»,
велить насыпать себѣ мису чиста серебра,
другую красна золота, третью скатна
жемчуга и все положить на доску, которую
спускаетъ въ море. Но неё садится и онъ
самъ, взявъ въ правую руку «образъ
Миколы Угодника», въ лѣвую «гусли
яровчаты», въ которыхъ «наигрыши есть
нездѣшніи»¹). Сѣль

1) Въ подлинникѣ: Садко беретъ въ лѣвую руку «Гусли яровчаты»,
Камочку сибирскую да заморскую,
Въ которой наигрыши есть нездѣшніи,
А нездѣшніи наигрыши, сибирскіи.

Сходное смѣшеніе сл. въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ (*Кир*, IV, стр. 99
слѣд.=*Кирша* № 1) «хитрости Царяграда», «мудрости Іерусалима» — обычная
характеристика гусельныхъ наигрышей (сл. мои Разысканія VII, стр. 216 и
слѣд.), приложено и здѣсь къ камочкѣ:

Что не дорога камочка — узоръ хитерь:
Хитрости были Цариграда,
А и мудрости Іерусалима.

И быдто въ сонъ заснулъ,
Ушѣль онъ каменемъ ко дну.

Между тѣмъ какъ его корабли тронулись
съ мѣста, самъ онъ, спустившись на дно,
приходить въ палату бѣлокаменну, бьетъ
челомъ поддонному царю и царицѣ.
Оказывается, что царь потребовалъ его къ
себѣ, чтобы разрешить его споръ съ женою:

У насъ съ царицею разговоръ идетъ,
Злато или серебро на Руси есть
дорого,

Или булатъ-желѣзо есть дорого?

Садко рѣшаетъ, что дорогъ булатъ, и
затѣмъ потѣшаетъ царя игрой на гусяхъ:

Тутъ поддонный царь распотѣшился

И началъ плясать по палатѣ
бѣлокаменной

Интересно при этомъ замѣтить, что Соловей такой же гусярь, какъ и Садко; въ пѣсняхъ о первомъ камочка упоминается въ цѣломъ рядѣ перепѣвовъ, и первоначально, вѣроятно, рядомъ съ гусями, какъ у *Гильфердинга* № 68:

Брали ѣны во бѣлы руки,

Матушка камочку узорчатую,

И самъ беретъ гуселка яровчатыи.

Когда упоминаніе гусей выпало, соответствующія подробности о «наигрышахъ» усвоены были узоромъ камки; и такъ какъ послѣдняя не принадлежитъ къ постояннымъ чертамъ былины о Садкѣ, слѣдуетъ предположить, что камочка и наигрыши въ разбираемой пѣснѣ о Садкѣ заимствованы изъ какой-нибудь былины о Соловьѣ, гдѣ указанное выпаденіе уже совершилось.

Онъ полами бьетъ и шубой машеть,
И шубой машеть по бѣлымъ
стѣнамъ.

Три часа играетъ Садко, а царица
говорить ему: пусть сломаешь свои гусли:

Тебѣ кажется, что скачетъ по
палатамъ Царь,

А скачетъ Царь по крутымъ
берегамъ;

Отъ его пляски тонуть — гинуть
Безповинныя буйны головы.

Такъ Садко и дѣлаетъ, и когда царь велитъ
емъ играть и далѣе, отвѣчаетъ, что струны
у него порвались и что ихъ «надобно
починить — на Русь сходить». Тогда
поддонный царь предлагаетъ ему жениться,
а царица снова даетъ совѣтъ: не выбирать
себѣ княгини ни изъ первой, ни изъ второй
толпы дѣвиць, которую приведетъ ея мужъ,
а въ третьей ту,

Которая идетъ позади всѣхъ,
Поменьше она и почернѣе всѣхъ:
Тогда ты будешь на Святой Руси,
Ты увидишь тамъ бѣлый свѣтъ,
Увидишь и солнце краевое.

Садко облюбаваль ту дѣвицу, и царь
отдаеть ее ему, да въ приданое три бочки
серебра, золота и жемчуга. Отвели Садка
въ ложню спать:

Какъ проснулся онъ со сна
крѣпкаго,
И увидѣль онъ свѣтъ бѣлый и
солнце красное,
И увидѣль, что встаетъ на крутомъ
кряжу,
На крутомъ кряжу, у быстрой рѣки,
И бочки съ имѣніемъ лежать подлѣ
его,
А невесты его и въ слуху нѣтъ.

Разобранная нами былина можетъ быть
названа типическою для другихъ пѣсень
этой группы, сохранившихъ ее по частямъ,
съ опущеніями и исключеніями. Двѣ
былины у Рыбникова II, №№. 61 и 62,
хотя записанныя въ разныхъ волостяхъ и
отъ разныхъ лицъ, составляютъ какъ бы
части одного цѣлаго. Въ № 61 эпизодъ
похвальбы ограничивается тѣмъ, что Садко
велитъ своимъ слугамъ откупить весь
товаръ въ Новгородѣ. Купили они разъ и

два, а товару все прибываетъ; на третій разъ они откупили его весь. Садко строить корабль, нагрузилъ его и вышелъ въ море:

Всѣ то корабли въ верхъ идугъ,

А Садковъ то корабль остается.

Здѣсь примыкаетъ № 62: Садко велить вырѣзать жеребья изъ золота и серебра; чей жеребей на дно пойдетъ, тому итти во сине море. Погружается жеребей Садка, который, сѣвъ на дубовую доску, опускается на дно. А тамъ царь морской съ царицей «споруетъ».

Говорить царица морская:

«Есть на Руси жилѣзо булатное,

Дороже булатъ-жилѣзо красна
золота:

Красно золото катается

У маленькихъ ребятъ по
зыбочкамъ".

Царь стоитъ за то, что золото дороже, и Садко подтверждаетъ это:

Дороже у насъ на Руси красна
золото,

А булатъ-жилѣзо катается

У маленькихъ ребятъ по зыбочкамъ.

Услышавъ это царь отсѣкъ царицѣ буйну голову, а Садкѣ предлагаетъ жениться на одной изъ его двухъ дочерей. Садко отвѣчаетъ:

Ай же ты, царь морской!
Взяль бы я у тебя любимую дочь,
Только надо мнѣ достаться на
Святую Русь.

Царь велитъ старшей дочери доставить Садка на Русь, что она и дѣлаетъ («достала его на матушку на святую Русь»), и былина кончается разставаньемъ Садка съ «морской царевной»:

Я тебѣ женихомъ не пришелъ,
А ты мнѣ въ невѣсты не пришла.

Содержанію этихъ двухъ былинъ, взятыхъ вмѣстѣ, отвѣчаетъ непосредственно слѣдующій у Рыбн. II, № 63: выкупъ товаровъ въ Новгородѣ (до трехъ разъ); построение кораблей и выходъ въ море; остановка: корабельщики

Стали бросать жеребья вольжана,
Кому-то изъ нихъ итти на сине море.
Поискала судьбина Садка, купца
богатаго.

На дубовой доскѣ, съ гуслими
яровчатыми, Садко спускается на дно, гдѣ
объявилось ему царство великое, «а въ
царствѣ пированьице почестень пирь»: царь
Водяникъ выдаетъ свою дочь и просить
Садка поиграть ему. Онъ наладилъ струны,
Играеть-то Садко въ Новѣ-городѣ,
А выигрышь ведетъ отъ Царя-града.
Сталь царь Водяникъ поскакивать,
А царица Водяница поплясывать,
Красныя дѣвушки хороводъ водять,
А мелкая четъ въ присядку пошла.

Отъ этихъ «игорь отъ бѣсовскіхъ, И отъ
тыихъ отъ плясокъ нечестивыхъ — Окіанъ
сине море всколыбалоса, Кораблики всѣ
повыломало, Людей-то всѣхъ повитопило»,
говорить Садку во снѣ незнаемый старць.
На другой день Садко отказывается играть,
не желая причинять гибели судамъ и
людямъ; тогда царь Водяникъ ставитъ его
на его корабль, и онъ возвращается съ
своей дружиной домой, гдѣ встрѣченъ
женою.

Въ №42 Рыбникова III=Гильфердинга
№ 146 Садко велитъ скупить всѣ товары въ

Новгородѣ; на третій день ихъ оказывается больше прежняго, послѣ чего у Гильфердинга № 146 слѣдуетъ приказъ строить корабли, тогда какъ у Рыбникова въ т. III № 42 спѣтомъ тѣмъ же пѣвцемъ¹⁾, идетъ сначала признаніе Садка:

Не я-то богатъ, богатъ Новгородъ,
и затѣмъ лишь построеніе кораблей,
выѣздъ, остановка въ морѣ, рѣзанье и
бросаніе (30-и) жеребьевъ (поводъ къ тому
не указанъ), послѣ чего Садка спустили

На тья дощечки дубовенькія

И полагали ему гуселки яровчаты.

У Гильфердинга прибавленъ еще стихъ:

И тутъ его взялъ водяной царь,
съ замѣчаніемъ, что сказатель не умѣлъ
спѣтъ былины до конца при всемъ стараніи
сказать складно. У Рыбникова (1. с.) ея
конецъ досказанъ въ прозѣ: Садко рѣшаетъ
споръ водянаго царя съ царицею о золотѣ и
булатѣ; отъ его игры расплясался Водяной
царь и всколыбалось сине море, послѣ чего
Николай Чудотворецъ унялъ Садка: «Ты де

1) Сл. у *Гильфердинга* стр. 732 сказанное о Николаѣ Дутиковѣ=Федотовѣ Рыбникова.

игрой, а царь пляской много головъ неповинныхъ погубили».

Мотивъ похвалы, не ясно выраженный въ предыдущихъ пѣсняхъ, за исключеніемъ Кирѣевского V, стр. 34, №1=Рыбникова III, № 41, снова является у Гильфердинга въ № 174, представляющемъ новыя черты искаженія: Садко бьется «о великъ закладъ», о «буйной головушкѣ»,

И что изъ Новаграда товарушки
повыкупить,
И какъ на желты пески товарушки
повыкатить,
На черны корабли товарушки
повыгрузить.

Это оказывается ему не подъ силу и, чуя неминуемую бѣду, онъ пускается въ море. Князь Новгородскій шлетъ за нимъ въ догонь:

Какъ догнать Садка купца богатаго,
Привести Садка да предъ мое лицо,
На то-ль судьбище да на страшное.
Завидѣвъ погоню, Садко бросается съ
своими гусями въ море, гдѣ «поддонный

князь» ведетъ его въ палаты бѣлокаменныя и потѣшается его игрой, отъ чего сине море всколыбалось и много погинуло напрасныхъ душъ. Три дня играетъ Садко; на четвертую ночь Богородица явилась ему во снѣ, велитъ порвать струны у гусельшковъ и не принимать въ подарокъ отъ поддоннаго князя ни золота ни серебра, ни камня драгоценнаго, а попросить себѣ невѣсты, и когда князь приведетъ къ нему «сорокъ дѣвицъ да со дѣвицею», выбрать изъ нихъ, которой хуже нѣтъ, коей чернѣе нѣтъ». Садка женять;

И отвели Садка купца богатаго

Со своей-ли со невѣстой
нареченною,

И повалился спать Садко купецъ
богатя,

И охापиль Садко купецъ богатя

Онъ тую-ли невѣсту нареченную

и увидѣль себя лежащимъ въ водѣ, у
берега своей рѣки, у своихъ палатъ
бѣлокаменныхъ,

И прославляль пречисту Богородицу

**И что избавила меня да отъ
погибели,**

И отъ погибели да отъ напрасныя.

**Послѣдняя былина разбираемой нами
группы Кирѣевск. V, стр. 41 слѣд., № 2
(=Кирша) не знаетъ эпизода о похвальбѣ,
прямо начинаясь съ остановки корабля
Садка—Сокола:**

**А всѣ корабли что соколы летять,
Соколь корабль на морѣ стоитъ.**

**Садко велить нарѣзать жеребьевъ
волженныхъ, на всѣхъ написать имена и
бросить въ море;**

**Садко покинулъ хмѣлево перо,
А на немъ-то подпись подписана,
А и самъ Садко приговариваетъ:**

.....

**«Которые бы по верху плывуть,
А и тѣ бы душеньки правыя;
Что которые-то въ морѣ тонуть,
А мы тѣхъ спихнемъ во сине море».**

**Тонетъ Садкино «хмѣлево перо», и онъ
рѣшается на другой опытъ: всѣ бросаютъ
жеребья ветляные, онъ самъ «жеребій
булатный» вѣсомъ въ десять пудъ: чей**

жерей потонеть, того душенька «правая».
Снова тонеть жеребій Садки, который
говорить своимъ:

Вы ярыжки, люди наемные,
А наемны люди, подначальные!
Я, Садъ-Садко, знаю—вѣдаю:
Бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ,
Тому царю Заморскому
Не платилъ я дани-пошлины
И во то сине море Хвалынское
Хлѣба съ солью не опускавалъ, —
По меня, Садку, смерть пришла!

Нарядившись въ шубу соболиную, взявъ съ
собою «гусли звончаты» и шахматницу съ
золотыми тавлеями вальящатыми, онъ
спускается въ море,

А всѣ корабли какъ соколы летять,
А единъ корабль по морю бѣжить,
Какъ бѣль кречеть....

Самого Садки, Гостя Богатаго.
Отца-матери молитвы великія,
Самого Садки, Гостя Богатаго,
Подымалася погода тихая,

.....

Понесло его, Садку, ко берегу,

гдѣ онѣ находятъ избу великую, и лежить
въ ней на лавкѣ царь морской.

А и гой еси ты, купецъ, богатый
гость!

А что душа радѣла, того Богъ мнѣ
далъ:

И ждалъ Садку двѣнадцать лѣтъ,
А нынѣ Садко головой пришелъ!

Поиграй, Садко, въ гусли ты
звончаты.

Садко играетъ, царь «зачаль скакать,
зачаль плясать»; во снѣ святитель Николай
велитъ Садку порвать золотыя струны; какъ
перестала пляска,

Утихло море синее,

Утихли рѣки быстрыя.

Царь предлагаетъ Садку выбрать себѣ
невѣсту изъ числа тридцати, а Никола уже
предупредилъ его во снѣ: выбирать не
хорошую, бѣлую—румяную, а «дѣвушку
поваренную», что хуже всѣхъ, и не
цѣловать и не обнимать ее въ брачную
ночь.

А и тутъ Садко купецъ, Богатый
Гость,

Съ молодой женой на подклѣтѣ
спить,
Свои рученьки ко сердцу прижалъ;
Со полуночи, въ просоньи, ногу лѣву
Накинулъ онъ на молодую жену:
Ото сна Садко пробуждался,
Онъ очутился подъ Новымъ-
городомъ,
А лѣвая нога въ Волхъ-рѣкѣ.

«Узналъ онъ церкву, приходъ свой — того
Николу Можайскаго»; видитъ — по
Волхову бѣгутъ его корабли, стали на
пристани, мечутъ сходни на крутой берегъ.
Таково содержаніе одной группы былинь о
Садкѣ. Ихъ сказочные мотивы давно
обратили на себя вниманіе изслѣдователей:
таковъ эпизодъ о выборѣ невѣсты,
отзывающійся древней брачной
обрядностью, равно какъ и запретъ — не
касаться невѣсты въ первую брачную ночь,
или до поры до времени, какъ на примѣръ,
въ Ортнитѣ и Huon de Bordeaux (изд.
Guessard; сл. V. 6772 слѣд.) такова
подробность о пляскѣ водянаго царя —
повѣрье, поддерживавшееся и

литературнымъ преданіемъ: «Вопрось: Како бываетъ соуша и како бываетъ деждевно? отвѣтъ: Есть стухия црь водныи, егда отидеть въ глубину, и поидуть вся стихия водная по немъ, понеже црь есть; того ради сухо бываетъ. Вопрось: Егда бур“ бываетъ, како приходитъ вода? отвѣтъ: Воздвигнетца црь водный изъ глубины и поидуть вся вослѣдоующая ему и поидуть впре^д, того ради возр[ют]ить изъ древа вода, ис камени, отвсюду»¹). — Дань морскому царю, о которой говорится въ былинахъ какъ этой, такъ и слѣдующей группы, принадлежитъ къ обрядности, широкораспространенной отъ Индіи до Китая, Россіи и Америки²). На одинъ русскій обычай, существующій на Ладожскомъ озерѣ, указаль недавно Лайстнеръ: говорятъ, что водяной живетъ на днѣ, и что надъ его жильемъ вода на

1) Тихонравова, Пам. отреч. русской литературы II, 456 (Вонро^о стго Ефрѣма w стмм Василиим wм всем исправлении).

2) Сл. *Melusine* II, стр. 188—189, 230—231, 334. Другія подробности сл. въ сборникъ: *Legends and superstitions of the sea and of sailors in all Lands and at all times*. By *Fletcher S. Basset*. Chicago and New-York. 1885, ch. XI, pp. 379 — 398. Укажу, кстати, на книгу, приготовляемую къ печати *Se billot: La Mer*. Тому же автору принадлежитъ: *Questionnaire des croyances, le gendes et superstitions de la mer, Extr. des Bulletins de la socie te d'anthropologie* p. 19.

поверхности постоянно волнуется и кипить; когда рыбакъ попадетъ на это мѣсто, его лодку кружить до тѣхъ поръ, пока онъ не бросить въ озеро какой-нибудь дани: корку хлѣба, соли или что попадетъ подъ руку³⁾. Герберштейнъ, въ своихъ запискахъ о Московіи, разказываетъ, что когда посоль Иванъ III Гр. Истома плыль Бѣлымъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ въ Данію, его постигла за Святымъ Носомъ, у скалы Семь, буря, и чтобъ умиловитъ эту грозную скалу, кормчій Истома взлѣзъ на нее ночью и полилъ камень овсяною кашею, смѣшанною съ масломъ; послѣ того буря утихла¹⁾. Интересно, какъ преобразился языческій обычай опускать въ море «дани-пошлины», «хлѣба-соли», въ старомъ черноморскомъ повѣрѣ о св. Фокѣ Синопскомъ, помощникѣ на водахъ: «Ναυται δὲ καὶ πλωτῆρες οἱ πανταχοῦ, οὐχὶ τοὺν Εὐξεινον διαπλεοντες Ποντον, ἀλλὰ καὶ οἱ τοὺν Ἀδριαν τεμνοντες, καὶ ὑπερ

3) *Laistner*, Ruodliebemärchen in Russland, въ *Zt. f. deutsches Alterthum*, XXIX, Bd., 4 Heft, стр. 457.

1) Замысловскій. Герберштейнъ и его извѣстія о Россіи, стр. 103.

Αιγαιου φερομενοι, και οσοι τον Ωκανον
 πλεουσι τον εσπεριον, και τοις Έωοις
 χολποις ενθαλαπτεουσι, τα συνηθη
 κελευσματα, οις του πλου τον πονον
 προσαναπαουσιν, εις χαινην του αρτυροσ
 μετεβαλον ευφημιαν. δια γλωσσης εστιν
 ὄλοξ ὁ Φωκαξ αυτοις υπαδομενοξ. επει και
 εναργη αρεγει της βοηθειας τα συμβολα.
 πολλακις μεν γαρ ωφθη, νυν μεν νυκτωρ
 προσογκουμενου χειμψνοξ διεγειρων τον
 κυβερνητην τψ πηδαλιψ επινυσταζοντα.
 αλλοτε δε παλιν τουξ καλωξ διατεινων, και
 της οθονηξ επιμελουμενοξ, και απο της
 πρωραξ προοπτευων τα βραχη. οθεν και
 νομοξ εγενετο ναυταιξ Φωκαν εχειν
 συνεστιατορα. και επειδη τον νυν
 ασωματον, συσσιτον ειναι και χοινωνον
 τραπεζηξ αμηχανον. μαθετε πως απα
 φιλευσεβηξ λογισμοξ εσοφισατο το
 αδυνατον. χαθ' εκαστην γαρ την των οψων
 μεριδα προς ισομοιριαν των εσθιοντων
 αποκληρουσι τψ μαρτυρι. ταυτην δε τις των
 δαιτιμονων εξωνουμενος, το αργυριον

κατατιθηται, και τη υστεραια αλλος, και αλλοτε ετερος. υποδεξηται, και εις γην αφικωνται το αργοριον τοις πεινωσι. τουτο η μερις του Φωκα, πενητων ευεργεσια.²⁾

Часть Фоки, становящаяся достояніемъ нищихъ, очевидно, бросалась когда-то въ море, какъ жертва морскому властителю, смѣненному христіанскимъ святымъ.

Сюжетъ разобранной нами группы былинь представляетъ много недосказаннаго. Что Садко, являющійся прямо богатымъ гостемъ, хвалится ни съ того, ни съ другаго по выкупить всѣ новгородскіе товары, — не покажется страннымъ съ точки зрѣнія любимой русскимъ эпосомъ похвальбы во полу-столь, часто столь же, мало мотивированной. Чѣмъ объясняется отъѣздъ въ море, непосредственно слѣдующій за удачной или неудачной похвальбой — изъ пѣсенъ не видно, и лишь сказитель Гильфердинга № 174 ощутилъ необходимость мотива, объяснивъ удаление Садка его желаніемъ — спасти голову и избѣжать княжескаго суда. Когда

2) Сл. AA. SS., Sept. VI, ad. d. 22 Sept., nov. ed., p. 298.

впослѣдствіи Садкинъ корабль останавливается, первый домекъ Садки въ былинахъ не только нашей, но и следующей группы, тотъ, что онъ столько-то лѣтъ ѣздилъ по морю, а дани морскому царю не плачиваль. Между тѣмъ о дани далѣе нѣтъ и рѣчи, о ней не поминаеть и морской царь (за исключеніемъ Рыбн. II, № 64). Требованіе отъ Садка другое: рѣшить, что на Руси дороже, золото или булатъ; мотивъ совершенно сказочный, какъ въ русской сказкѣ у Аѳанасьева, № 192 аb: какой-то старикъ покупаетъ у Ивана ковры за три добрыхъ слова; «одно изъ нихъ: прежде смерти ничего не бойся. Приставъ съ однимъ кораблемъ къ дядѣ, ѣхавшему торговать за море (а), либо нанявшись прикащикомъ къ корабельщикамъ (b), Иванъ пускается въ путь; изъ моря выходитъ морской горбыль и просить купцовъ дать ему человѣка — дѣло разобратъ (а); или корабли не идутъ съ мѣста, и въ море посылають водолаза (b). Въ томъ и другомъ случаѣ отправляется Иванъ, помня слова старика: «прежде

смерти ничего не бойся»; въ морѣ Судьбина дѣло разбираетъ (сл. Рыбн. II № 63: поискала Судьбина Садке, купца богатаго): что дороже, золото, серебро или мѣдь? (а); или спорить старикъ съ дѣвушкой (царь и царица нашихъ былинь): что дороже, сталь или олово? (b) Иванъ рѣшаетъ за мѣдь и сталь, и его отпускаютъ назадъ: его корабль оказывается набитымъ камнемъ самоцвѣтнымъ (а), или старикъ даетъ ему три брилліантовыхъ камушка (b), какъ у Гильфердинга № 174 «поддонный князь» предлагаетъ Садку золота и серебра и драгоценный камень.

Я не берусь решить, на сколько древненъ въ былинь о Садкѣ сказочный судъ о золотѣ и булатѣ; очевидно только, что упоминаніе дани, не существенное въ ея сюжетъ, могло явиться и позже, и что, на оборотъ, въ немъ сильно затушевана подробность, имѣвшая прежде большее значеніе: мотивъ о Садкѣ-гусельникѣ. На гусяхъ играютъ и Соловей, и Ставрѣ, и скоморохъ-Добрыня; но Садко гусельникъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ они: не даромъ онъ

не разстается съ гусями даже опускаясь въ море, и въ большой части пересказовъ игра на гусяхъ въ палатахъ морскаго царя мотивируетъ эпизодъ возвращенія. Садко прежде всего гусельникъ, и прозвище гостя богатаго пристало къ нему лишь въ послѣдствіи. Такимъ знаетъ его, очевидно, и морской царь: когда у Кир. V, стр. 41 слѣд., № 2 онъ говоритъ Садкѣ, что ждалъ его двѣнадцать лѣтъ, то дѣло идетъ не о дани (не существенной, какъ мы видѣли, для былины), а о старомъ знакомствѣ, которое прямо ведетъ къ просьбѣ:

Поиграй, Садко, въ гусли ты
звончаты.

Эти соображенія приготовили насъ къ разбору слѣдующей группы былинь о Садкѣ.

II. Прежде у него «имущества не было», поетъ о немъ Рыбн. II, № 64.

Одни были гуселки яровчаты;
По пирамъ ходиль—играль Садки.
Садка день не зовуть на почестень
пирь,
Другой не зовуть на почестень ппрь,

И третій не зовуть на почестень
пирь.

Потомъ Садки соскучился:

Какъ пошелъ Садко къ Ильмень
озеру,

Садился на бѣль-горючь камень

И началъ играть въ гуселки
яровчаты.

Какъ тутъ-то въ озерѣ вода
всколыбалася,

Тутъ-то Садке перенялся,

Пошелъ прочь отъ озера во свой во
Новгородъ.

Въ другой разъ повторилось то же; на
третій, когда всколебалась вода,

Показался царь морской,

Вышелъ со Ильменя со озера,

Самъ говорилъ таковы слова:

Дай же ты, Садки Новгородскій,

Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать

За твои утѣхи за велкія,

За твою-то игру нѣжную:

Аль безсчетной золотой казной?

А не то ступай во Новгородъ

И. ударь о великъ закладъ,

Заложил свою буйну голову,
И выряжал съ прочихъ купцовъ
Лавки товара краснаго,
И спорилъ, что во Ильмень озерѣ;
Есть рыбы—золоты перья.
Какъ ударишь о великъ закладъ,
И поиди—свяжи шелковый неводъ,
И приѣзжай ловить во Ильмень
озеро:
Дамъ три рыбины—золоты перья.
Тогда ты, Садки, счастливъ будешь.

На почестномъ пиру, гдѣ Садко игралъ на
гусяхъ; его подпоили; онъ хвастаетъ
чудесной рыбой и бьется о закладъ съ
тремя купцами новгородскими: онъ о
буйной головѣ, каждый изъ нихъ о трехъ
лавкахъ товару краснаго. Три раза
закинули неводъ и каждый разъ вытянули
по золотой рыбкѣ. Получилъ Садко лавки,
сталъ торговать и получать барыши великіе.

Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садки все по небесному:
На небѣ солнце, и въ палатахъ
солнце,

На небѣ мѣсяць, и въ палатахъ
мѣсяць,
На небѣ звѣзды, и въ палатахъ
звѣзды.

Двѣ былины первой группы Рыбн., II, № 61 и III, № 42=Гильфердингъ, № 146, начинаются съ такого именно описанія Садкиныхъ палатъ, переходя непосредственно къ мотиву похвальбы: что Садко скупить всѣ товары новгородскіе. Такъ и въ нашей: Садки зазываетъ на пирь мужиковъ и настоятелей новгородскихъ; напившись, всѣ начинаютъ хвастать, кто — чѣмъ, не хвастаетъ одинъ лишь Садки, пока гости не вызвали его на похвальбу:

У меня-ль золота казна не тощится,
Цвѣтно платьице не изминяется.
А похвастать ие похвастать
безсчетной золотой казной:
На свою безсчетну золоту казну
Повыкуплю товары Новгородскіе,
Худые товары и добрые!

Бьются съ Садкой о закладъ настоятели новгородскіе о тридцати тысячахъ. Три раза посылаетъ онъ за тѣмъ свою дружину, но

новгородскія богатства ему не подь силу: скупить онь новгородскіе, московскіе товары, а тамъ, глядь, «подоспѣютъ товары заморскіе».

Не я, видно, купецъ богатъ
новгородскій,

Побогаче меня славный Новгородъ.

Отдаваль Садки купцамъ новгородскимъ
тридцать тысячъ, снарядилъ тридцать
кораблей и поѣхаль торговать. На
обратномъ пути захватила его непогода,

А волной-то бьетъ, паруса рветъ,

Ломаеть кораблики черленые,

А корабли нейдутъ съ мѣста на
синемъ морѣ.

Садко припоминаеть, что много лѣтъ, какъ не платилъ онь дани морскому царю: это онь, видно, отъ насъ дани требуетъ. По его приказанію спустили въ море бочку чиста серебра, сороковку красна золота, а корабли по прежнему стоятъ. «Видно, царь морской требуетъ живой головы во синеморе», говоритъ Садко и велить дружинѣ сдѣлать жеребьи вольжаные, себѣ золотой; въ другой разъ всѣмъ золотые, себѣ

вольжанный, либо всѣмъ дубовые, себѣ липовый и наоборотъ: всякій разъ Садкинъ жеребій идетъ ключемъ на дно. — Видитъ Садко, что ему самому приходится идти въ сине-море, отписываетъ свое имѣніе Божьимъ церквамъ, нищей братіи, молодой женѣ и дружинѣ, и проситъ подать себѣ гусли яровчатые:

Поиграть-то мнѣ въ остатнее:

Больше мнѣ во гуселки не игривати.

Али взять мнѣ гусли съ собой во сине море?

Съ ними онъ сходить на доску и проснулся на днѣ морскомъ:

Сквозь воду увидѣлъ пекучись
красное солнышко,

Вечернюю зорю, зорю утреннюю.

Онъ заходить въ бѣлокаменную палату,
гдѣ морской царь встрѣчаетъ его словами:

Ай-же ты, Садки купецъ, богатый
гость!

Вѣкъ ты, Садки, по морю ѣзживаль,
Мнѣ, царю, дани не плачиваль,

А нонь весь пришелъ ко мнѣ во
подарочкахъ.

Скажутъ, мастеръ играть во гуселки
яровчаты:

Поиграй же мнѣ во гуселки
яровчаты.

Подъ игру Садки, продолжающуюся трое
сутокъ, пляшетъ царь морской, гинуть
корабли, народъ молится Миколѣ
Можайскому — а Садки кто-то тронулъ въ
правое плечо: то старикъ, Микола
Можайскій, не велитъ ему играть: пусть
скажетъ морскому царю, что у него
«струночекъ не случилось, шпенечковъ не
пригодилось — Приломались гуселки
яровчаты» — а когда тотъ станетъ
показывать ему дѣицъ, пусть пропуститъ
первые и вторые триста, а въ последней
толпѣ, выберетъ ту, что идетъ позади,
«красавицу-дѣвицу чернавушку», и съ ней
не творитъ блуда въ первую ночь — иначе
онъ навѣки останется въ синемъ морѣ.
Садко поступаетъ по сказанному и
просыпается

во Новѣ градѣ

О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу;

встрѣчаетъ дружину, не чаявшую его видѣть, и ведетъ ее въ палаты къ женѣ. Сталь онъ выгружать съ кораблей «безсчетну золоту казну»,

Состроилъ церкву соборную
Миколы Можайскому.

Не сталь больше ѣздить Садко на
сине море.

№ 70 у Гильфердинга отвѣчаетъ во всемъ своемъ развитіи, хотя не дословно, только-что разобранной былинь, почему выше, при счетѣ былинь, она и не принята мною въ расчетъ. Обѣ принадлежать, такъ сказать, одной и той же сказительской редакціи, и обѣ записаны въ одной и той же мѣстности (въ Сумозерскомъ погостѣ, Пудожскаго уѣзда), Гильфердингова, отличающаяся обиліемъ описательныхъ стиховъ и эпическихъ chevilles, — отъ крестьянина Сорокина, и Рыбниковская — отъ неизвѣстнаго: количественная разница стиховъ (Гильф. 591, Рыбн. 387) указываетъ на разницу стиля. Сорокинъ прибавилъ къ церкви Николы Можайскаго, построенной Садкомъ, еще и другую:

А и какъ другую церковь сдѣлалъ
Пресвятыя Богородицы.

Прибавка, можетъ быть, и не личная, такъ какъ въ № 174 Гильфердинга Богородица явилась намъ вмѣсто Николы, въ эпизодѣ объ игрѣ Садки у морскаго царя.

Въ былинѣ у Кир. V, стр. 47 и слѣд., № 3 (=Кирша) эпизодъ о морской поѣздкѣ Садки выпалъ, а введеніе о Садкѣ-гусельникѣ замѣнено другимъ: такъ какъ тамъ и здѣсь Садко играетъ на гусяхъ, потѣшая водянаго царя, то и выпаденіе и замѣна не случайныя, хотя я ихъ и не умѣю объяснить. Двѣнадцать лѣтъ гулялъ Садко «по славной матушке Волгѣ рѣкѣ», и вотъ, отправляясь въ Новгородъ, онъ отрѣзалъ хлѣба великій сукрой,

А и солью насолилъ, его въ Волгу
опустилъ;

«А спасибо тебѣ, матушка Волга
рѣка!

А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
Никакой я притки-скорби не
видывадъ (надъ собой).

И въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ.

Волга поручаетъ ему поклониться ея брату, «славному озеру Ильмену», что тотъ и дѣлаетъ. Когда черезъ нѣсколько дней онъ идетъ на берегъ, изъ озера выходитъ удалой добрый молодецъ, спрашиваетъ его, какъ онъ знаетъ его сестру Волгу и говоритъ:

Проси бошлыковъ¹⁾ во Новѣ-городѣ,
Ихъ со тремя неводами
И съ тѣми людьми со работными,
И заметывай ты неводы во Ильмень-озеро:

Что будетъ тебѣ Божья милость.

Садко идетъ ловить рыбу съ башлыками и рабочими, закинули три невода, выволокли бѣлой рыбы мелкой, красной рыбы и бѣлой рыбы въ три четверти, и всю ее свозили въ погреба глубокие. Три дня не заглядываетъ туда Садко, на четвертый заглянулъ, насили двери отворилъ: гдѣ была бѣлая рыба мелкая — тамъ «деньги дробныя», гдѣ красная — тамъ червонцы, гдѣ рыба бѣлая

1) Атамановъ рыболовныхъ.

(въ три четверти) — все монеты лежать.
Снова идетъ Садко на Ильмень-озеро,
бьетъ челомъ, поклоняется:

Батюшко мой, Ильмень-озеро,
Поучи меня жить во Новѣ-градѣ!
А и тутъ ему говоритъ Ильмень-озеро:
А и гои еси, удалой доброй
молодецъ,
Поводись ты со людьми со
таможенными,
А и только про ихъ ты обѣдъ
доспѣй,
Позови молодцовъ, посадскихъ
людей,
А стануть те знать и вѣдати.

Сталь съ ними водиться Садко, и вотъ,
однажды, когда

Тѣ мужики Новгородскіе
соходилися
На братчину Никольщину,
онъ просить принять и его въ братчину,
А и я вамъ сыпъ плачу не малую.

Примали они его, зачали пить пива
ячныя, а Садко хвастается во хмѣлю, что

выкупить всѣ товары въ Новгородѣ, «по три дни, по три уповода», коли нѣтъ, «заплачу казны вамъ сто тысячей». Сталь онъ товары скупать: скупилъ въ первый день, не оставилъ его ни на денежку, «ни на малу разну полушечку»,

А и шедъ Садко Божій храмъ соорудилъ.

А и во имя Стефана Архидьякона.

На второй и третій день повторилось то же, ибо товару оказалось «больше старого», и Садко сооружаетъ въ первый разъ храмъ «во имя Софіи премудрая», во второй — «во имя Николы Можайскаго». На четвертый день не осталось въ городѣ никакого товара.

Зайдетъ Садко онъ въ темный рядъ,
И стоять тутъ черепаны, гнилые
горшки,

А всѣ горшки ужъ битые;

Онъ самъ Садко усмехаѣтся,

Даетъ деньги за тѣ горшки,

Самъ говорить таково слово:

«Пригодятся — ребятамъ черепками
играть,

Поминать Садку, гостя богатаго!
Что не я, Садко, богатъ — богатъ
Новгородъ

Всякими товарами заморскими

И тѣми черепанами гнилыми горшки!

Заключеніе былины отзывается новымъ складомъ; опущеніе подробностей о гусяхъ выдвинуло впередъ, хотя не въ соответствующемъ эпизодѣ, мотивъ жертвы водяному существу: я разумѣю хлѣбъ-соль, бросаемую Садкой въ Волгу, какъ у Кир., V, стр. 41 и слѣд., № 2 (=Кирша) Садко говорить, что онъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ морскому царю хлѣба съ солью не опускавалъ.

Если, какъ мы замѣтили выше, мотивъ дани не существенъ для содержанія былины о Садкѣ и могъ явиться позже, какъ подновленіе другаго, забытаго, то это обстоятельство указываетъ и на позднее мѣсто, занимаемое нашимъ пересказомъ въ генеалогическомъ древѣ пѣсни. Это не мѣшаетъ выдвинуть въ этомъ пересказѣ одну черту, которую мы до сихъ поръ не встрѣчали, и которая, быть можетъ,

сохранила память о болѣе древнемъ составѣ былины. Въ варьянтахъ нашей второй группы (Рыбн., II, 64; Гидьф. № 70) двѣ похвальбы Садка слѣдуютъ одна за другой: первая — уловомъ, вторая — богатствомъ; сравненіе съ пѣснями первой группы, не знающей эпизода объ уловѣ, показываетъ, что въ началѣ похвальба шла только о богатствѣ — и это подтверждается косвенно нашимъ варьянтомъ, гдѣ рыбы прямо обращаются въ деньги и нѣтъ хвастовства, предшествующаго ловлѣ. Такъ и у Гильф. № 2: въ былинѣ, перепутавшей послѣдовательность эпизода «ловли» и «морскаго хожденія Садки» и, въ добавокъ, присоединившей въ концѣ мотивы другихъ пѣсень.

Въ Новгородѣ жилъ «быль работникъ Сатокъ Новгородскій»; выѣхалъ онъ съ купцами на море, и корабли ихъ остановились.

Говорятъ купци новгородскіе;
«Требуе изъ насъ Водяной царь
Каку ни съ насъ онъ пошлину»
Отвѣцае вода имъ матушка:

«Просить человѣка Водяной царь».
Выбирали купци новгородскіи
Изъ артели человѣка въ сине море,
Пожелаль съ артели Сатокъ
работничекъ,
Рядиль много золота серебра
И мелкихъ съ ихъ же жемчуговъ:
Буде буду я на святую Русь,
Должны отдать купци новгородскіе.
Спустился Сатокъ въ сине море,
Приходить къ силы отпадшіи
Къ тому къ царю къ невѣрному,
Къ тому приходитъ ко двору ко
царевому.
На трехъ столбахъ у двора цареваго
Положено по головѣ человѣческой.

Оказывается, что царь позваль Сатка
разсудить его съ царицей: что дороже на
Руси, булатъ-желѣзо или золото? Царица
говорила, что золото, а Сатокъ рѣшаетъ
обратно, послѣ чего царь отсѣкаетъ царицѣ
голову, а Сатку предлагаетъ остаться у него
на службѣ,. Онъ отвѣчаетъ:

Отъ васъ, царь, не отнимаюси,
Только хотѣлось бы на бѣлый свѣтъ.

«Женись—ко, Сатокъ работничокъ,
Награжу тебя, Сатокъ, имѣніемъ",
говорить ему царь и приводитъ къ нему
трехъ дѣвушекъ: двѣ бѣленькихъ, третью
черную, «какъ «цыганочка». Она ступаетъ
на ногу Сатку и тотъ догадывается
попросить именно ее себѣ въ жены. Когда
онъ ложится съ ней, она проситъ его:

Не вались, Сатокъ работничокъ,
Близехонько ко мни къ дѣвушки,
Накинь свои ручки Сатковыи
Накинь конецъ перстковъ.

Въ ту же ночь Сатокъ объявился въ
Новгородѣ: лежитъ по край матушки
Волхова, а одна рука въ водѣ. Вернушіеся
купцы наградили его по уговору; онъ
разбогатѣлъ и приписалъ себя въ купцы.
Однажды:

Не во снѣ ему кажется,
На яву ему видится:
Вяжи-тко ты шелковъ неводъ,
Лови-тко ты въ матушки Волхови,
Что попадетъ тебѣ въ неводки:
Сострой амбары великіи,
Въ амбары вали безпощадно грязь.

И въ неводъ дѣйствительно попадается и мусоръ и чеврой (=рѣчной песокъ) и листья и колоды; все это, сваленное въ амбары, ко смѣху новгородскихъ купцовъ, обращается въ «казну безсмѣтную», которая позволяетъ Сатку похвастаться о своей головѣ, что онъ повыкупить въ городѣ всѣ запасы хлѣбные, всѣ товары красные. Два раза онъ скупааетъ ихъ; на третій, когда новгородскіе купцы вызвали на помощь купцовъ греческихъ и заморскихъ, у Сатка не хватило золота, и онъ бѣжитъ, какъ у Гильфердинга № 174, отъ суда новгородскаго князя, не на море, какъ тамъ, а къ Вольгѣ Всеславье-вичу, съ просьбой, сберечь его отъ напрасной смерти. Въ этомъ эпизодѣ наша былина переходитъ къ сюжету пѣсни о Васильѣ Буслаевѣ=Вольгѣ: онъ является, казнить купцовъ новгородскихъ, убиваетъ и батюшку крестнаго, съ колоколомъ на головѣ въ сорокъ пудъ; идетъ къ матери, которая его упрекаетъ въ томъ. Далѣе, былина о Васильѣ (=Вольгѣ) на время забыта, и Вольга оказывается

дѣйствительно Вольгой, уѣзжая въ «дальнюю сторону» на встрѣчу Викулѣ Селягину и его соловой кобылкѣ. Следуя пѣснѣ о немъ и о Вольгѣ, наша былина доводитъ ихъ до города Орѣхова; на пути камень, и снова Вольга очутился Васильемъ Буслаевымъ: онъ скачетъ вдоль камня у «приставился». О Саткѣ нѣтъ далѣе рѣчи.

Таково содержаніе второй группы былинъ о Садкѣ, сводящихся къ слѣдующему плану: 1) Садко, бѣдный гусельникъ (=работникъ), заслужилъ своей игрой милость воднаго царя, награждающаго его обильнымъ уловомъ рыбы, которая обращается въ деньги¹⁾). Выше мы замѣтили, что хвастовство уловомъ — поздняя черта, съ которой падаетъ вмѣстѣ и другая, связанная съ ней подробность: что самъ водяной царь побуждаетъ его къ такой именно похвальбѣ. 2) Садко хвастаетъ, что скупить всѣ новгородскіе товары, послѣ чего слѣдуетъ третій и послѣдній эпизодъ, 3) переносящій насъ въ

1) Водяныя существа обыкновенно отплачиваютъ богатымъ уловомъ за услуги и одолженія имъ оказанныя. См. румынскую колядку въ моихъ Разысканіяхъ VII, стр. 261 и слѣд.

море, къ задержкѣ кораблей и всему затѣмъ слѣдующему. №№ 1 и 2 развиваются другъ изъ друга логически: отъ внезапнаго разбогатѣнія къ хвастовству; между №№ 2 и 3 такой связи нѣтъ и она является сомнительной. Пѣсня говоритъ, что корабли стали въ морѣ, потому что Садко долго гулялъ по немъ, не платя дани-пошлины морскому царю, и предполагается, что удачная ловитва сдѣлала его богатымъ и онъ уже торговалъ по морю до похвальбы (о товарахъ). Мы видѣли, какъ плохо мирится мотивъ о дани, высказываемый самимъ Садкомъ, съ приѣмомъ его у морскаго царя, у котораго онъ разрѣшаетъ трудный споръ, котораго потѣшаетъ гусями, тогда какъ вопросъ о дани-пошлинѣ остается на заднемъ планѣ. Мотивъ о «задержкѣ кораблей» могъ быть первоначально иной, и онъ подсказанъ намъ цѣлымъ рядомъ литературныхъ и народныхъ преданій, главная идея которыхъ сводится къ слѣдующему: море не терпитъ на себѣ и мертваго тѣла¹⁾), ни

1) Сл. между прочимъ этотъ мотивъ въ легендѣ о св. Маріи Магдалинѣ у

грѣшника, ни преступника и безбожника²⁾; обыкновенно корабль останавливается, либо его настигает буря, пока грѣшникъ не покается, проступившійся, узанный по жребію, или собственному признанію, не будетъ ввергнуть въ море. Проступокъ можетъ быть понятъ абстрактно, на примѣръ, въ христіанскомъ освѣщеніи; первоначально это былъ проступокъ— противъ воднаго царя.

Разказовъ подобнаго рода, извѣстныхъ уже въ древности, существуетъ довольно много³⁾. Въ одной англійской балладѣ матросы кидаютъ за бортъ капитана-убійцу (The captain waэ a murderer), и буря прекращается. У Цезарія Гейстербахскаго (Dial. Miraculorum III, 21) разказывалось,

Якова de Voragine и въ провансальскомъ переводѣ Legenda aurea. Сд. Chabaneau. Sainte Marie Madeleine dans la litterature provencale, въ Revue des langues ro-manes, t. IX (1883), стр. 107 слѣд

2) Въ связи съ этимъ повѣрьемъ стоитъ и нѣмецкое, отмѣченное Гриммомъ: что присутствіе на кораблѣ священника вызываетъ бурю Сл. Hans Vintler. Blume der Tugend v. 171—4: Do wellent eltlich dapey, Wenn es ungewitter sey, Das sy alles von der munch wegen, Die dagant affer der wege. Это лишь частое выраженіе широко распространеннаго повѣрья, что встрѣча съ священникомъ приноситъ несчастье.

3) Сл., между прочимъ, Cftild, The english and Scottish popular ballads I, № 24; Bourne Annie и III, № 57: Brown Robin's Confession (въ примѣчаюяхъ, между прочимъ, указаніе на былинѣ о Садкѣ); R. Kohler въ примѣчаніяхъ къ WarnJce. Die Lais der Marie de France, стр. C (къ Lai d' Elidac); Fletcher S. Bassett, 1. с.

что когда однажды паломники плыли къ Святой земль, Господь воздвигъ на нихъ сильную бурю, улегшуюся лишь тогда, когда одинъ изъ нихъ, отягченный страшными грѣхами, не покался въ нихъ всенародно. Въ Прологъ подь 19-го марта одинъ корабленникъ повѣствуетъ: его корабль сталь въ морѣ, не двигаясь съ мѣста въ теченіе пятнадцати дней. «Азь же навклирь имѣхъ печаль о корабли, и иже въ корабли суть, вси начахомъ молити Бога, за что сіе, и како еже никамо же поступающу кораблю. Единою же ми бысть невидимо гласъ глаголя: Верзи Марію въ море, и стройно ти корабль поидеть. Азь же помыслихъ, рекій: Что убо сіе будетъ, и кто есть Марія? И яко недомысляхся о семъ, паки прииде ми гласъ второе глаголя: Верзи Марію въ море, и гонзнетъ. Тогда азь умыслихъ сице и возвахъ напрасно: Марія, рекій. Она же, возлежащи на постели своей отзвася, рекущи: Что, господине, велиши? Тогда рѣхъ ей: Сотвори любовь, дойди сѣмо. Она же вставши прииде. И поемъ ю отведохъ едину и рѣхъ ей: Видиши ли,

сестро Маріе, какія грѣхи имамъ азъ, яко вси вы меня дѣля имате погибнути? Она же вельми воздохнувши рече: По истинѣ, господине навклире, азъ есмь грѣшница. Паки же азъ рекохъ: Жено, кія грѣхи имаши? Она же рече: Лютѣ мнѣ, яко нѣсть грѣха, его же не сотворихъ окаянная, моихъ ради грѣховъ вси имате погибнути. Таже потомъ рече: По истине господине навклире, азъ окаянная мужа имѣхъ и два дѣтища: первый девяти лѣтъ, а другіи пяти лѣтъ. Та же потомъ умре мужъ мой и пребывахъ вдова. Живяше же убо вкраи мене воинъ, и азъ хотѣхъ, дабы мя поялъ жену себѣ, и послахъ къ нему. Воинъ же рече: Не пойму тебе, имущу дѣти инаго мужа. Тогда азъ услысахъ, яко не хочеть мене пояти дѣтей дѣля, к тому же и любящи ихъ, и заклахъ дѣти моя, окаянная, и вѣсть ему послахъ, рекущи: Уже не имамъ ни единаго дѣтища. И яко то слышавъ воинъ о дѣтищахъ, еже есмь сотворила, и рече: Живъ Господь, живый на небесѣхъ, яко не пойму ея. Азъ же того убоявшися окаянная и помысливши себѣ, егда сіе увидятъ судіи

и уморятъ мя, и того дѣля бѣжахъ. И сіе слышавъ азъ отъ жены тоя, и паки не хотѣхъ ея воврещи въ пучину морскую, но сице умыслихъ и рѣхъ ей: Се азъ пребываю во корабли, да вѣси убо, жено, аще не поидеть корабль, то мои грѣси держатъ корабль. Та же воззва корабленики, и свѣсиша малый кораблець, и не бысть ми ничтоже ни поступи великій корабль. И рѣхъ нынѣ: Сниди въ малый кораблець. Она же сниде. И абіе кораблець ни до пятижды обратися, стремглавъ ко дну иде и погрязе; великій же корабль поплы стройно»¹).

Легенды, подобныя приведенной, восходятъ къ извѣстному библейскому прототипу Іоны, гл. 1, гдѣ встрѣчается и мотивъ о жребіи: Господь велитъ пророку идти проповѣдывать въ Ниневію, а онъ встаетъ, «чтобы бѣжать въ Фарсисъ отъ лица Господня и пришелъ въ Іопсію», откуда отплылъ на корабль. На пути буря; «и

¹) Сл. *Халанскій* Великорусскія былины Кіевскаго цикла (Варшава 1885), стр. 71–74, со ссылкой на аналогичное чудо Михаила Клопскаго, напечатанное въ Памятн. стар.-русс. литер. IV, 49. Съ разказомъ Пролога сс. Блаженнаго Іоанна Мосха Лугъ Духовный, въ переводѣ съ греческаго. Москва, 1848, гл. 75, стр. 71–73.

сказали другъ другу: Пойдемъ, бросимъ жеребья, чтобъ узнать, за кого постигаетъ насъ эта бѣда». Жребій палъ на Іону, который велить бросить себя въ воду, «ибо я знаю, что ради меня постигла васъ эта великая буря».

Сюжетъ этотъ принадлежитъ къ числу довольно распространенныхъ въ народной поэзіи и повѣрьѣ. Въ Шотландіи существовалъ у моряковъ обычай: въ случаѣ напасти на морѣ бросать жребій, чтобы такимъ образомъ узнать, кто навлекъ её, и осудить на смерть того, на кого жребій палъ. Въ шотландской балладѣ *Bonnie Annie*, обобравшая своихъ родителей и убѣжавшая на кораблѣ съ капитаномъ, брошена въ море по жребію, ибо пока она находилась на суднѣ, имъ нельзя было управлять. Въ другой шотландской балладѣ та-же участь постигаетъ *Brown'a Robu'a*, за грѣхи, въ которыхъ онъ всенародно кается; по его просьбѣ его привязали къ доскѣ и спустили въ море, но является Богородица и въ награду за его покаяніе беретъ его съ собою на небо. Ту-же тему

развиваютъ датскія, шведскія и норвежскія пѣсни: корабль нѣкоего Петра останавливается въ морѣ; бросаютъ жребій, и онъ падаетъ на Петра, который и кается въ своихъ злодѣянїяхъ: онъ грабилъ и жегъ церкви и монастыри, убиваль и насильничаль. Изъ датскихъ сказокъ, сюда относящихся, замѣтимъ одну, въ которой царевна, съ цѣлью утишить бурю, бросаетъ въ воду два драгоцѣнныхъ перстня: такой-же слѣдъ повѣрья о дани морскому царю, какъ и въ былинахъ о Садкѣ. Изъ русскихъ параллелей укажу на извѣстную малорусскую думу о «бурѣ на Черномъ морѣ»: буря бьетъ корабль на Черномъ морѣ; говоритъ старшина:

Ей, козаки, панове—молодці!
Добре ви дбайте,
Гріхів не тайте!
Исповідайтеся ви
Милосердному Богу,
Чорному морю,
Отомаву Комовому,
Хто на соби гріхи має!

Всѣ молчать, выступаєть съ
самообличеніємъ Олексій Поповичъ, велить
бросить себя въ море, ибо буря постигла
ихъ за его грѣхи:

Шо як в охотне вѣско одъХжжав,
І з отцом і з матірью
Вопрощення не мав,
І старшого брата
За брата не мав;
І старшу сестру
Барзе зневажав,
Стрѣмінем у груди одпихав;
А ще з города вибігав,
Триста душ дітей маленькихъ
Конем своХм добрим разбивав,
Кровь християнську
Безвинно проливав;
А молоди жени
За ворота вибігали,
Діток маленьких
На руки хватали,
Мене, Олексія Поповича,
Кляли—проклинали.

А ще мимо сорока церков пробігав,
Шляпи не здіймав
І на себе хреста не покладав,
І отцевскоХ—матчиноХ
Молитвы не споминав....
Либонь мене, козака, панове—
молодьці,
Найбільше той грѣх споткав.
А ще мимо царськоХ громади
пробігав,
За свою гордошу шляпи ве здіймав,
На день добрый не довав....
Либонь мене, козака, панове—
молодьці,
Найбільшъ той грех споткав.
Ей, се не Чорне море
Мене потопляє:
Се отцевська—матчина
Мене молитва карає.

Какъ только сталъ исповѣдываться Алексѣй
Поповичъ, буря стала утихать и казаки
добрались до острова¹⁾. Иначе

¹⁾ Антонович и Драгомановъ. Историческія пѣсни Малор. народа, т. I, № 44
А. То же окончаніе представляютъ №№ 44 В, Г, Д, Е, Ж, З, И, изъ которыхъ
лишь В, Г, И, І называютъ Алексѣя Поповича, тогда какъ варианты № 44 Д—З

разрѣшается дума въ другомъ вариантѣ (Ант. и Драг.: Б): услышавъ покаяніе Алексѣя Поповича, казаки:

Узяли ёму назадъ руки ізвязали,

Чорним оксамитом очі затмили.

То ще такого козака у море пускать
пощадили;

На лівій руци мизинно пальця
втинали,

Ёго кровь у Чорнее море метали. Море тотчасъ унялось и казаки «до Тендри-острова прибували». Человѣческая жертва, которой, по словамъ Садка, требуетъ морской царь, замѣнена здѣсь символомъ — кровью, какъ въ иныхъ народныхъ обрядахъ жертвенныя животныя замѣнялись ихъ изображеніями изъ тѣста.

Выбирая изъ разобранныхъ легендъ и пѣсенъ черты, отвѣчающія морскому эпизоду былины о Садкѣ, мы получимъ такую схему: кто-то проступился, отягченъ виною, можетъ быть, противъ морскаго существа, и море не терпитъ его на себѣ,

замѣняютъ его двумя братьями, тонущими въ морѣ, послѣ того какъ ихъ судно разбилось, и взаимно исповѣдающими свои грѣхи. Согласно съ этимъ нѣтъ и сцены на кораблѣ и вызова къ исповѣди.

задерживаетъ его корабль, грозитъ бурей, пока жребій не указываетъ на преступника, котораго и спускаютъ въ воду. Это, въ сущности, схема соотвѣтствующаго эпизода былины; недостаетъ только мотива «проступка», который и слѣдуетъ возстановить, чтобы внести извѣстную связь причинности между эпизодами о похвальбѣ Садка и его приключеніи на морѣ. Связь эта была бы совершенно въ стилѣ русскаго эпоса и одного изъ любимѣйшихъ его мотивовъ: запрета похвальбы, который обыкновенно герой нарушаетъ къ своему-же вреду. Такъ хвастаются безвременно Иванъ Гостиный сынъ, Ставръ, Данило Лавчанинъ, братья Сбродовичи, Данило Безсчастный, наконецъ Дюкъ Степановичъ¹⁾). Какъ жена Данилы и мать Дюка наказываютъ имъ не хвалиться, и они наказаны за то, что пренебрегли совѣтомъ, такъ могло быть и въ древней былинѣ о Садкѣ, и остановка въ морѣ являлась карой за то, что, нарушивъ

*) См. мои Южно-русскія былины, вып. 2, стр. 382–383, 389, 391, 393, 395–396, 398 слѣд.

запретъ морскаго царя, онъ похвастался своимъ богатствомъ. Введеніе этого забытаго мотива помогло бы намъ возстановить первичный планъ былины приблизительно такимъ образомъ:

1) Садко — гусярь; своей игрой онъ прельщаетъ морскаго царя, который даруетъ ему, въ награду, чудесный уловъ, отъ котораго онъ богатѣетъ, но вмѣстѣ даетъ и совѣтъ, не хвастать своимъ таинственно нажитымъ богатствомъ.

2) Садко хвалится имъ, обѣщая скупить всѣ новгородскіе товары.

3) Въ слѣдующей затѣмъ поѣздкѣ его корабль останавливается въ морѣ, и царь требуетъ къ отвѣту—гусяря Садка.

Таковы могли быть древнія очертанія былины о Садкѣ. Мы разобрали пока ея сказочную сторону, къ которой непосредственно примыкаетъ легендарная: Садка спасаетъ со дна моря Николай Чудотворецъ (Рыбн. III, № 42), Николай Можайскій (Кир. V, стр. 41, слѣд. № 2=Кирша; Рыбн. II, № 64), замѣненный, по ошибкѣ, у Кир. V, стр. 34 слѣд. №

1=Рыбн. III, № 41 морскою царицей: слѣды замѣны остались еще въ томъ обстоятельствѣ, что Садко спускается въ море съ образомъ «Миколы угодника» въ правой рукѣ; только у Гильф. № 174 вмѣсто Николы является Богородица. Св. Никола извѣстенъ по всей Руси какъ спаситель на водахъ, какъ морской святой затемнившій и древняго Фоку Синопскаго и память о св. Климентѣ на Черномъ морѣ, когда-то живую, и въ вѣрованіи и въ поэзіи духовнаго стиха о Голубиной книгѣ, тогда какъ теперь она у насъ изсякла и популярна на германскомъ сѣверѣ напримѣръ, въ Англіи, гдѣ св. Климентъ патронъ якорныхъ кузнецовъ. Въ числѣ чудесъ св. Николая спасеніе изъ воды занимаетъ не послѣднее мѣсто: стоитъ только заглянуть въ сборникъ Якова de Voragine. Легко представить себѣ, что о какомъ-нибудь новгородскомъ купцѣ, хотя бы Садкѣ, ходила местная легенда: о томъ, какъ св. Никола спасъ его въ одно изъ его хожденій за море, — легенда въ родѣ слѣдующей, заимствованной изъ житія

Исидора Юродиваго, нарицаемаго Твердислава¹).

«Случис“ оубо нѣкоему коупцоу града того (Ростова), въ немже святыи жилище имѣаше, по морю коуплю творити; и пловоущимъ имъ въ корабли, и внезапоу кораблю ставшоу и влънами разбивающоус“ и оуже всѣмъ смерти ожидающимъ, оумыслиша же корабленици, яко да мѣчють жребиа, кого ради корабль ста. И паде жребій на 'ного коупца, и всадиша и на дскоу и врьгоша его въ море; кораблю же скоро съ 'ного мѣста пошедшоу, яко ничтоже зла пострадавшоу, человеку же 'ному оутопающоу и влънами въ мори носимоу и житиа своего оуже 'тчаавшоусА, и ни 'ть кого же помощи надѣющоус“, и се внезапоу предѣста ему блаженный Исидоръ по морю яко по соухоу ходя, и примъ за рукою коупца и рече емоу: Знаеши ли мя, о человекѣче? Купецъ же едва тъкмо проглагола: ' рабе

1) Нап. по рукописи графа А. С. Уварова (XVIII в., № 164) Ф. И. Буслаевымъ въ приложеніи къ его рѣчи О народной поэзиі въ древне-русской литературѣ (1859), стр. 24–25. Г. Халанскій, 1. с. стр. 70–71, приводитъ то же чудо по минеямъ Дмитрія Ростовскаго.

божіи, юродивыи Исидоре, иже въ нашем граде жительствоуай, помози ми 'каанномуу и избави м'ть горкиа се' смерти, и не 'стави мене въ мори семъ погрузитис'! Св'тыи же из'тъ его 'тъ глоубины морьскыа и посаждаетъ его на досцѣ 'нои, и скоро по морю въ слѣдъ корабл' гнаше и вдасть того въ корабль цела и неврежденна ни чимъ же. Повѣдаетъ же емоу св'тыи, гако никомоу же сего повѣдати, дондеже 'тъ житиа сего 'тидетъ св'тый. Приде же коупецъ тѣи въ домъ свои раду'с' и слав' Бога и никомоуже повѣда но глагола: Нѣкаа божественна' сила избави м' изъ глоубины морьскіа. И егда же сретааше св'таго на оулицахъ градскихъ юродство твор'ща, св'тыи же оукрѣпл'а его мимоидыи глаголаше ему никомоуже повѣдати на море бывшаго; человекъ же токмо въ одинъ прославлѣаше бога и оугоднаго его Исидора и никомоуже смѣаше повѣдати чюдесе его, но по преставленіи св'таго всѣмъ "в'ственѣ проповѣдаше".

Допустимъ, что подобное мѣстное чудо, оставшееся въ преда нїи и не попавшее въ святцы, было разказываемо о новгородскомъ купцѣ Садкѣ — и мы подойдемъ къ третьему вопросу, поднимаемому былиной о немъ: къ вопросу объ ея историческомъ элементѣ¹⁾.

Русскія лѣтописи знаютъ въ Новгородѣ Сотка Богатаго, какъ строителя церкви. Свидѣтельства о немъ распадаются на двѣ группы. Къ первой относится слѣдующія: Новгор. III: «въ лѣто 6497 (989) постава владыка епископъ Іоакимъ первую церковь деревяную дубовую святыя Софіи, имущую верхъ 13; и стояла 60 лѣтъ; и поняся отъ огня въ лѣто 6557 (1049), марта въ 4 день, въ субботу, при второмъ епископѣ Лукѣ, въ 13 лѣто. Бысть честно устроена и украшена, а стояла по конецъ Пискупли улицы надъ Волховымъ рѣкою, до каменнаго дѣтинца-града строенія, идѣже послѣди поставилъ Сотко Богатой церковь каменну святыхъ мучениковъ Бориса и

1) О немъ см. замѣтку Безсонова къ Пѣснямъ Кирѣевского, в. V, стр. LVII и слѣд.

Глѣба въ лѣто 6558 (1050), яже та церковь стояла въ каменномъ градѣ-двѣтинцѣ близъ каменной градной стѣны». Новг. II: «Въ лѣто 6497 (989) постави Іоакимъ церковь деревянную святую Софію, имущи верховъ 13. И стояла 4 лѣта, и понялась церковь Святаа Софія отъ огня мѣсяца марта въ 4, въ субботный день, бывше честно устроена и украшена. А стояше конецъ Епископли улицы, надъ рѣкою надъ Волховомъ, идѣже инны поставилъ Сотко Сотникъ церковь святыхъ страсотерпецъ князей Рускихъ Бориса и Глѣба». Такъ и въ Софійскомъ временникѣ, съ показаніемъ 1049 года, какъ года пожара старой Софіи, но безъ опредѣленія, когда именно поставлена церковь Соткомъ. Другая группа свидѣтельствъ относитъ насъ къ XII вѣку: Новг. I: «въ лѣто 6675 (1167) сѣдя Мьстиславъ Изяславиць Кыевѣ на столѣ. На ту же весну заложи Съдко Сытиниць церковь камяну святую мученику Бориса и Глѣба; при князи Святославѣ Ростиславици, при архіепископѣ Іліи» (освящена въ 1173 г.); Новг. III. «въ лѣто 6675 (1167) въ

Великомъ Новѣ-градѣ, на Софійской сторонѣ, заложи церковь каменну святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба въ Околоткѣ Сотко Сытиничъ, въ каменномъ городѣ-дѣтинцѣ, при Іоаннѣ архіепископѣ; Псковск. I: «въ лѣто 6675 (1167) заложи Сотко святаго Бориса и Глѣба». Безсоновъ рѣшаетъ, что каменная церковь заложена была Соткомъ въ 1167 году, пытается объяснить его прозвище Сытиничъ въ связи съ Сытой, сыть и т. п., либо съ сотникъ, сътничъ и т. д.; что до имени Сотко, Съдко, и тѣмъ болѣе Садко, Садки, Сатокъ, то Безсоновъ считаетъ его не русскимъ, а только приуроченнымъ къ русскимъ звукамъ (садъ, садокъ и т. п.), а въ основѣ еврейскимъ, съ чѣмъ согласенъ и я: евр. Садокъ, Цадокъ = праведный.

Еще на одну связь между историческимъ Содкомъ и Садкомъ былинь надо обратить вниманіе: оба они строители церквей; но здѣсь-то и начинается разногласіе. Сотко сооружаетъ храмъ во имя Бориса и Глѣба; Садко Николаю угоднику: такъ у Рыбникова II, № 64, у Гильфердинга № 70,

гдѣ къ его церкви присоединена и церковь Богородицы, у Кирѣвскаго V, стр. 47 слѣд. №. 3 (==Кирша), гдѣ церковей три: во имя св. Стефана, Софіи Премудрости и Николы Можайскаго. Это несомненно амплификація, хотя упоминаніе Софіи и могло бы дать поводъ припомнить старую деревянную Софію, на мѣстѣ которой Сотко построилъ храмъ страсотерпцевъ. Первичною является въ пѣснѣ церковь въ честь Николы, спасшаго Садку изъ моря; недаромъ у Кирѣвскаго V, стр. 41 слѣд. № 2 (=Кирша) Садко, очнувшись отъ сна, узнаетъ «церкву, приходъ свой — того Николу Можайскаго»; припомнимъ кстати, что у Кирѣвскаго V, стр. 47 слѣд. № 3 (=Кирша) самъ Садко вписывается въ «братчину Никольщину»

Если признать мое толкованіе легендарной части былины о Садкѣ, заставляющей его строить церковь св. Николы въ память спасенія своего изъ моря, то построение Соткомъ храма Борису и Глѣбу могло быть вызвано подобнымъ же чудомъ святыхъ. Ихъ тѣсная связь съ св. Николой, на

которую мы укажемъ далѣе, устраняетъ въ извѣстнстой мѣрѣ разногласіе лѣтописи и былины, по крайней мѣрѣ замиряетъ его. Борису и Глѣбу празднують 24-го іюля (въ память перваго перенесенія ихъ мощей въ 1072 году); въ народномъ повѣрьи, привязав шемся къ этому времени ихъ чествованія, они представляются властвующими надъ дождемъ и грозой; оттуда, быть можетъ, ихъ отношеніе къ жатвѣ, хотя самое время ихъ памяти должно было ввести ихъ въ циклъ соответствующихъ аграрныхъ представленій¹). Тѣ же святыя памятовались еще 10-го декабря²), въ сосѣдствѣ съ Николой зимнимъ (6-го декабря), какъ въ сосѣдствѣ съ Николой весеннимъ, 9-го мая, становится память объ ихъ мученической смерти (1015), 2-го мая. Какъ цѣны на хлѣбъ строить Никольскій торгъ, такъ Бориса и Глѣба сближали, въ игрѣ созвучій, съ барышемъ и

1) Терещенко. Б. Р. Н. VII, 47.

2) Сл. Барсуковъ. Источники русской агиографіи (С.-Пб. 1882), стр. 11.

хлѣбомъ³⁾, а день 2-го мая чествуютъ въ Великороссіи какъ день барыша и наживы: кто празднуетъ его, будетъ имѣть прибыль въ теченіе всего года⁴⁾. Сосѣдство празднованія не только вносило въ народное представленіе святыхъ однѣ и тѣ же черты и отношенія, но и сближало ихъ въ легендѣ. Одна такая легенда разказана была Несторомъ и монахомъ Іаковомъ⁵⁾: о женщинѣ, которая вмѣсто того, чтобъ идти въ церковь въ праздникъ св. Николы, осталась работать дома. «Жены же ины видѣвше ю дѣлающую, начаша ю вабити въ церковь и поносити глаголюще: Что твориши дѣлаючи въ день святого Николы и не поидуши въ церковь? Она же не послуша ихъ, нѣ прѣбываше въ храмѣ своамъ дѣлаючи. И се внезапно възъѣхаша триа мужи на дворъ ая въ бѣлыхъ ризахъ. Она же изникше изъ двери видѣ я. И бѣ адинъ старъ, а два оуна обаполь аго, иже глаголаша аи: О жено, како смѣ

3) *Сахарова*. Сказанія, I кн. (1849), стр. 68, 29.

4) *Калинскій*. Церковно-историческій мѣсяцесловъ на Руси, стр. 400

5) *Срезневскій*. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 35—37; сл. стр. 78,

прѣобидѣти отца нашего Николу, въ день его дѣлаючи, въ церковь его не идущи? Она же отвѣща има рекущи: Азъ асмь жена вдова оубога, да достоинь ми дѣлати, и нѣсть ми требѣ во церковь ходити. Глагола пакы старьи къ оуныма: Чти глаголѣта къ ней, нѣ размещита храмъ о неи. Она же приступивша разъметаста храмъ до полу. И приступль старый, я ть ю за руку десную и изверже ю вонь изъ храма». Долго она болѣла, пока не покаялась и не была исцѣлена, по прошествіи трехъ лѣтъ, милостью св. Николая^б).

Терещенко. Б. Р. Н. VII, 47.

Сл. *Барсуковъ*. Источники русской агиографіи (С.-Пб. 1882), стр. 11.

Сахарова. Сказанія, I кн. (1849), стр. 68, 29.

Калинскій. Церковно-историческій мѣсяцесловъ на Руси, стр. 400.

Срезневскій. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 35—37; сл. стр. 78,

^б) Легенды о людяхъ, наказанныхъ за нарушеніе воскреснаго покоя и неблюденіе праздниковъ, см. въ моихъ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды, II, II, стр. 60 и слѣд.

Легенды о людяхъ, наказанныхъ за нарушение воскреснаго покоя и неблюденіе праздниковъ, см. въ моихъ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды, II, II, стр. 60 и слѣд.

Такого близкаго, типическаго общенія, въ какомъ являются въ этомъ чудѣ св. Накола и св. князя страсотерпцы, мы въ другихъ случаяхъ не встречали; но для насъ важно и ихъ совместное упоминаніе. Одно чудо св. Николая¹⁾ начинается такимъ образомъ: «Сотворис“ чудо въ градѣ Кіевѣ: приспѣвши памяти святою мученику Бориса и Глѣба, приходящимъ людіи отъ всѣхъ градъ и сель на праздникъ святою мученику, нѣкій въ градѣ Кіевѣ, велику вѣру имѣа къ святому Николѣ и къ святымъ мученикамъ Борису и Глѣбу и вниде въ лодию и поиде къ Вышегороду поклонитися гробу святою мученику Бориса и Глѣба». Далѣе о св. мученикахъ нѣтъ болѣе рѣчи, и разказывается чудо св. Николы. Не лишнимъ будетъ упомянуть въ

¹⁾ Памятники древней письменности (С.-Пб. 1882): Житіе и чудеса св. Николая Мурликійскаго, изслѣдованіе архим. *Леонида*, стр. 90.

указанной связи подпись на одной рукописи 1513 года, содержащей Прологъ за декабрь: «вѣ льто 7021 дали сію книгу святому Николѣ Чудотворцу на полати у св. Бориса и Глѣба Иванъ Васильевъ Бухро да Дмитрѣи Ондрѣевъ. сынъ Лъняникъ»²⁾ .

Такимъ образомъ Борисъ и Глѣбъ связаны съ Николой и временемъ чествованія и общеніемъ въ чудесахъ и ИЗВѢСТНЫМИ сторонами своего народнаго типа: у нихъ то же отношеніе къ хлѣбу—жатвѣ, та же власть надъ бурей-погодой; вѣра въ помощь Николы на водахъ, очевидно, поддерживалась его весеннимъ празднованіемъ, когда наступала пора далекихъ плаваній; Борисъ и Глѣбъ — такіе же вешніе святые. Представлялись-ли и они чудесными помощниками на водахъ — намъ не известно, но такое предположеніе кажется вѣроятнымъ. Всеволодъ Миллеръ³⁾ утверждалъ ихъ тожество съ Асвинами-Діоскурами, огнями св. Эльма и

²⁾ Рукоп. Петербургской духовной академіи, Соф библи. № 1374 (58). Сообщение П. В. Владимірова.

³⁾ *Всеволодъ Миллеръ*. Очерки Арійской мифологіи въ связи съ древнѣйшею культурой, т. I: Асвины-Діоскуры, стр. 262 и слѣд.

т. п.; известно, что послѣдніе являются въ связи съ св. Николаемъ, хотя и не въ русскомъ суевѣріи⁴).

Можно представить себѣ, что Сотко-Садокъ, спасенный на морѣ предстательствомъ свв. Бориса и Глѣба, построилъ имъ церковь, и что послѣдній фактъ лѣтопись вѣрно запомнила, забывъ о мѣстномъ чудѣ, которое, вращаясь въ устахъ народа, замѣнило имена свв. князей болѣе известнымъ и популярнымъ, особливо въ Новгородѣ съ ея братчиной Никольщиной: именемъ св. Николы. Ему-то и строить церковь былевой Садко. На этой стадіи развитія легенда осложнилась далѣе тѣми элементами сказки, которыми наполнены, за выключеніемъ эпизода о Николѣ, дошедшія до насъ былины. Это смѣшеніе могло совершиться случайно, по сходству сюжетовъ, но могло быть вызвано, на примѣръ, и сходствомъ или тождествомъ собственныхъ именъ; въ мѣстной легендѣ, помнившей историческаго Сотка, и въ странствующей сказкѣ. Что смѣшеніе

⁴) *Мъ lusine*, II, № 5, стр. 117; № 6; стр. 138.

произошло по этому поводу — этого я не могу доказать для всего содержания былины, но для одного и притомъ наиболѣе характернаго ея эпизода, оно представляется мнѣ крайне вѣроятнымъ. Напомню схему этого эпизода, какъ онъ былъ нами возстановленъ: Садко проступился (передъ морскимъ царемъ); когда онъ находится въ морѣ, его корабли останавливаются» брошень жребій, кому быть жертвой, и жребій падаетъ на Садку.

Сличимъ съ этимъ слѣдующій разказъ изъ старо-французскаго романа о *Tristan le Leonois*, пересказаннаго графомъ Трессаномъ¹⁾:

Садокъ, племянникъ Иосифа Аримаѳейскаго, убилъ своего шурина за то, что тотъ покусился на его жену. вмѣстѣ съ нею онъ бѣжитъ на корабль, на которомъ ихъ никто не знаетъ. Поднимается сильная буря, грозящая разбить судно. слѣдующее далѣе я сообщаю по рукописи XIV вѣка²⁾ :

1) *R. Kohler y Warnke* 1. с. стр. C—CI; *Oeuvres choisies du comte de Tressant*. VII (1788), стр. 23—24.

2) *British Museum, Additional 23929*. Доставленіемъ этого текста я обязанъ любезности Р. О. Ланге.

A lendemain quant il dut aiorner dist un vielz hom qui leianz estoit: Seignor mariniers, saches que cest orages et ceste tempeste qui si durement nos a travaillie, nos a Dex envoie por le pechie d'aucun qui caienz demore entre nos; et sachiez que s'il i est longement, nos sumes tuit torne a mort. Leihuz avoit un marinier sorcierre qui respondi a ceste parole et dist: Ce savrai ie procainement. Lors fist ses charaies et ses coniuementz einsinc qu' il le savoit faire la meemes ou il estoient en tel peril, et apres redist: Voir aves dit, car entre nos est caianz par cui cist orages n' est sorvenu. Et tout li autre s'acordent adonc que de leianz fust maintenant gites qui qu' il fust, par cui cest damage venoit a tote la compaignie. Quant cist otroiement fu fait comunement, maintenant recommence a sortir il marinier por trover celui qui cest grant distorber lor avoit fait. Quant ilot gite ses sors, il trove que Sadoc lor avoit fet tot cist ennui et que cesti grande tormente lor estoit avenue par son pechie. Эi viennent maintenant a lui et li dient: Is fors de cest nef. Et il est molt esmaiez quant il entent ceste parole, si

lor respont: Si je m' en is, ou porai je aler fors que sailir en la mer? — Sailer te i convient, font il, ou nus te i giteron, car nus volons miels, que tu perisses seuls que nus tuit. — Et il respout: Se je peris, ce n'est mie merveille, que je l'al ben deservi, et je me acort ben a ce que vous me dites, qu' il est miels droiz que je moire seuls, que vus tuit. Mes por Deu, puis que je sui venus a la mort et il me convient morir por vos viez sauver, je vos prie de ma feme qui ci est: portez li honor et metez la a sauvete, car elle est estraitte de si hault lignage come cele qui fu fille au roi de Babilloine. Et quant il a dist ceste parale, il se comande a nostre Seignior, et cil le prenent maintenant et le gietent en la mer. Apres ce qu'il fu ensi gitez en la mer, il ne demora pas granment que la tempeste faillit».

Мы уже знаемъ, что въ разказахъ о преступникахъ, грѣшникахъ и т. п., нетерпимыхъ моремъ, буря или застой корабля замѣняютъ другъ друга въ томъ же значеніи. Садокъ преступникъ, какъ герой нашей былины (по мотиву, нами восстановленному); всѣ ищутъ причины

задержки и рѣшаютъ дѣло жребіемъ, который падаетъ на виновнаго. Его спускаютъ въ море; его имя Садокъ = Садко, Сатокъ былины=евр. Садокъ. Сходство эпизодовъ несомнѣнно; важнѣе всего тожество именъ дѣйствующихъ лицъ. Откуда взялись эти подробности—въ романъ и русской пѣснѣ?

Старофранцузскій романъ, пересказанный графомъ Трессаномъ, представляетъ и въ дальнѣйшемъ развитіи нѣсколько подробностей, интересныхъ для изслѣдователя русскаго эпоса. Садокъ не погибаетъ, а спасается на утесистый островъ, гдѣ проводитъ три года у одного пустытника въ постѣ и покаяніи. Между тѣмъ жена его, вавилонская царица Chelynde, оставшаяся отъ него беременною, родитъ прекраснаго мальчика при дворѣ Thanor'a, короля корнуэльскаго, одного изъ многихъ любовниковъ, чередовавшихся въ ея привязанности. Мальчикъ воспитывается у короля, какъ его сынъ, являясь позднѣе подъ именемъ Аполлона, Apollo l'aventureux. Зловѣщій сонъ, видѣнный

Таноромъ и истолкованный философъ, пророчить ему смерть отъ руки того мальчика, котораго король велить забросить въ лѣсъ, гдѣ его находить и воспитываетъ у себя какая-то дама. Изъ дальнѣйшихъ приключеній Садока и Аполлона укажу лишь на слѣдующія: Аполлонъ разгадываетъ загадку великана, который оказывается кровосмѣсителемъ и отцеубійцей; когда тотъ не въ силахъ въ свою очередь разгадать загадку Аполлона, онъ убиваетъ его. Позже онъ встрѣчается съ отцомъ своимъ Садокомъ, но они не узнаютъ другъ друга. Садокъ ранилъ Танора и уѣзжаетъ; видитъ, за нимъ гонится рыцарь въ вооруженіи и съ девизомъ короля, котораго онъ считалъ убитымъ; разгнѣванный онъ бросается на него, и погибаетъ подъ ударами Аполлона. Когда тотъ узнаетъ, что убилъ своего отца, онъ приходитъ въ отчаяніе и еще болѣе разъяряется, когда Таноръ сразилъ его пріятеля Lucas. Онъ кидается на короля и убиваетъ его, оправдавъ такимъ образомъ его вѣщій сонъ.

Присоедините къ этимъ подробностямъ еще и ту, что Аполлонъ женится вполслѣдствіи на своей, непризнанной имъ матери, и вы получите понятіе о разнохарактерности элементовъ, изъ которыхъ сложился разбираемый нами эпизодъ романа: мотивы стараго сказанія объ Аполлоніи Тирскомъ, которымъ навѣяно, быть можетъ, и имя одного изъ героевъ — Аполлона; черты легенды о кровосмѣсителѣ (св. Григорій, Андрей, Юда, Vergogna и др.¹), эпическое общее мѣсто о боѣ отца съ сыномъ, на которое обратилъ вниманіе и Кёлеръ²). Его русскія параллели извѣстны: въ циклѣ пѣсенъ объ Ильѣ онъ является въ ролѣ неузнаннаго отца, сынъ названъ различно: то Збуть, Борисъ, королевичъ, то Сокольникъ, Василій или Петръ; только у Гильфердинга № 246 онъ носить имя, которое казалось мнѣ загадочнымъ³): имя Аполлонища; оно

1) О славянскихъ версіяхъ этой легенды см. мою замѣтку въ *Журн. Мин. Нар., Просв.* 1885 г., июнь: Андрей Критскій въ легендѣ о Кровосмѣсителѣ и сказаніе объ апостолѣ Андрѣѣ.

2) 1. с., стр. ХСІХ.

3) Сл. мои Южно-русскія былины, вып. II, стр. 316.

напоминаетъ мнѣ теперь Apollo l'aventureux французскаго романа, въ Садокъ котораго мы нашли и нашего Садка. Чѣмъ объяснить это новое согласіе? Предположеніе случайнаго совпаденія ничего не объясняетъ: вліяніе переводнаго Тристана тѣмъ менѣе мыслимо, что единственный, пока извѣстный текстъ этого перевода¹⁾ не знаетъ эпизодовъ о Садокъ и Аполлонѣ. Ограничиваясь однимъ разказомъ о Садокъ, можно предположить, что и романъ и былина независимо другъ отъ друга восходятъ къ одному источнику, повѣсти или легендѣ, въ которыхъ это имя уже находилось. Еврейское имя Садока невольно указываетъ на народно-литературную сферу, въ которой совершился и переходъ одной сказки изъ Maase-buch'a въ сѣверныя побывальщины объ Алешѣ Поповичѣ²⁾. Интересно, что древнѣйшій еврейско-русскій глоссарій

1) Отрывки отпечатаны были мною въ статьѣ: Новыя книги по народной словесности, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1886 г., февраль; весь текстъ во второмъ выпускѣ моихъ Матеріаловъ и Изслѣдованіе къ исторіи романа и повѣсти, стр. 1—127.

2) Сл. мои: Мелкія замѣтки къ былинамъ, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885 г., декабрь, стр. 166 и слѣд.

находится въ Кормчей, написанной въ 1282 году для новгородскаго архіепископа Климента: Рѣчь жидовскаго языка, переложена на русскую, неразумно на разумъ, и въ Евангеліяхъ, и въ Апостолѣхъ, и въ Псалтыри, и въ Пареміѣ и въ прочихъ книгахъ; что въ переводѣ послѣднихъ пророковъ съ толкованіями, писанномъ въ Новгородѣ въ 1047 г. попомъ Упыремъ для князя Владидира Ярославича, истолкованы, хотя и неудачно, еврейскія имена пророковъ, Я обхожу евреизмы древняго перевода книгъ ветхаго завѣта, встрѣчающіеся въ его позднѣйшихъ спискахъ и принадлежащихъ, по всему вѣроятію, русскимъ переписчикамъ, можетъ быть, крещенымъ» евреямъ; переводъ книги Есѡиръ съ еврейскаго подлинника и «Книги, глаголемыя Псалтырь», переложенныя, по приказанію митрополита Филиппа (1464—1473) новокрещенымъ евреемъ Ѳедоромъ. Развитіе такъ называемой жидовской ереси въ Новгородѣ должно было повліять на усиленное знакомство съ еврейскимъ

языкомъ, на появленіе новыхъ переводовъ ветхозавѣтныхъ книгъ, которыми пользовались еретики; на это указывалъ въ 1489 году архіепископъ новгородскій Геннадій, жалуясь въ посланіи къ Юсафу на новгородскихъ иновѣрцевъ, которые держали «еретическое преданіе, псалмы Давидовы или пророчества непревращены»³⁾. Съ религіознымъ вліяніемъ могло быть связано и сильное вліяніе литературное: древнерусская Палея открыла именно въ эту пору доступъ въ свой составъ новыхъ талмудическихъ повѣстей; спустившись степенью ниже, въ сферу болѣе низменныхъ поэтическихъ интересовъ, мы найдемъ тамъ, гипотетически, мѣсто и для какой-нибудь легенды или сказки, пересказанной выкрестомъ-евреемъ. Въ дѣлѣ перехода странствующихъ повѣстей евреямъ принадлежитъ не послѣдняя роль; извѣстна и ихъ международная дѣятельность въ литературѣ и искусствѣ, начиная съ Петра Альфонса и кончая

³⁾ Всѣ эти факты сопоставлены у А. Гиркавы: Слѣды знакомства съ еврейскимъ языкомъ въ древней русской письменности (Оттискъ изъ Еврейскаго Обозрѣнія 1884 года, № 1).

еврейскою драматическою труппой въ Мантуѣ XVI вѣка, съ ея знаменитыми игроками на лютнѣ и арфѣ Abramo и Abramino dall 'Arpa¹).

А. Веселовскій

¹) Сл. Alessandro D'Ancona. Il teatro Mantovano nel secolo XVI, въ Giron. Stor. della letteratura italiana, fasc. 13-14, стр. 45-46.